

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.96

Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей*

Д. А. Хорошилов

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Хорошилов Д. А. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 4. С. 447–461. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.401>

В статье отстаивается тезис, согласно которому психология — как научная дисциплина и социальная практика (в формах психотерапии и консультирования), проникающая во все сферы повседневности современного общества, — является ответом на мировоззренческие противоречия эпохи модернизма. Парадигмы пост- и метамодернизма, характеризующие наше время, правомерно считать продолжением магистральной линии раннего модернизма начала XX столетия, связанной с осмыслением модернизации (исторического процесса перехода от традиционного и устойчивого образа жизни к социальной неопределенности и нестабильности). Поэтому современность называется также эпохой позднего модернизма. В современном обществе и культуре ответственность за решение проблемы устойчивости и изменчивости жизни приписывается не коллективам или группам, как в предшествующие исторические периоды, а отдельным индивидам. Теперь не философия или антропология, а психология — научный проект модернизма — стремится ответить на знаменитый кантовский вопрос о том, что такое человек. Массовое распространение психологического знания и практики приводит к психологизации общества, то есть к объяснению окружающего мира и жизненных проблем только с помощью психологических категорий; человек фиксируется на своих внутренних переживаниях и личном саморазвитии, тем самым дистанцируясь от непредсказуемых социальных событий и изменений. Психологизация общества усиливает и его

---

* Исследование выполнено при поддержке РФН, проект 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

индивидуализацию. Индивидуализация рассматривается как двойственный феномен: с одной стороны, она подразумевает максимально свободное и активное конструирование идентичности и образа жизни, а с другой — несет опасность социальной атомизации и распада солидарности, что может выступать предпосылкой формирования тоталитарных массовых движений. Парадокс в том, что индивидуализация и психологизация, призванные снизить социальную неопределенность, увеличивают ее, замыкая человека на собственном Я. Для предотвращения перечисленных негативных эффектов рекомендуется усиливать в научном и публичном дискурсах психологические концепции, акцентирующие значение интересующего, совместного конструирования образа изменяющегося мира.

Ключевые слова: современность, модернизм, социальная неопределенность, психологизация, психологическое общество, индивидуализация, сингуляризация.

Психология в интеллектуальном контексте современности

Психотерапия (и психология?) становится выражением распада нашей эпохи, а не способом его преодоления — загадочно писал Р.Мэй (R. May) (Мэй, 2001). Не случайно ли психология получила свой долгожданный статус самостоятельной науки, независимой от философии, накануне мировых войн и революций XX столетия? Одна из очевидных причин поздней эмансипации психологии, которая длилась от античности до немецкой классики, заключается не только в успешном применении метода эксперимента к изучению сознания, но и в резком изменении социокультурного контекста. «Когда потрясены религия, наука и нравственность (последняя сильной рукой Ницше) и внешние устои угрожают падением, человек обращает свой взор от внешнего *внутрь самого себя*» (Кандинский, 1967, с. 41).

Перед лицом исторических катастроф прошлого века («слома эпох») человек остался наедине с собой, часто лишенный социальной и трансцендентальной поддержки со стороны общества, религии и традиции; в цитируемом выше фрагменте из трактата «О духовном в искусстве» В. В. Кандинский отсылает к знаменитой формуле Ф. Ницше о «смерти Бога», которая обозначает символический крах сложившейся за столетия картины стабильного, предсказуемого и упорядоченного высшими смыслами мира. Именно в этот исторический момент возникает психология — наука, призванная найти ответы на вопросы об оставленности человека наедине с собой. Кантовский вопрос о том, что такое человек, из юрисдикции философии и антропологии переходит к психологии.

Социальный и культурный контекст формирования науки психологии и ее парадигм ограничивается временными рамками *модернизма* (от Просвещения XVIII столетия и примерно до середины 1980-х гг.), который характеризуется процессами секуляризации и рационализации (или «расколдовывания мира» по М. Веберу (M. Weber)), демократизации и подъема науки, а также индивидуализации общества (Гидденс, Саттон, 2018). В истории эстетики и искусствознания модернизм (или Modern Art — в Великобритании, Art Nouveau — во Франции и Бельгии, Jugendstil — в Австрии) относится к различным художественным явлениям, возникшим под влиянием прогресса техники в конце XIX — XX в., начиная с импрессионизма и символизма и заканчивая новыми направлениями в искусстве, включая авангард и его противоположность — постмодернизм (Бычков, 2003).

Не вдаваясь в дискуссии о соотношении модернизма и постмодернизма, а с недавних пор и метамодернизма (Гусельцева, 2018), следует сказать, что перечисленные понятия так или иначе указывают на расхождение традиционной и современной (массовой) культуры и в этом отношении связаны с историческим процессом модернизации, который «превращает традиционную форму жизни, устойчивую и замкнутую, в рискованную форму жизни, адаптирующуюся и постоянно меняющуюся» (Гирц, 2020, с. 203). Модернизация общества и культуры порождает нестабильность и напряженность вследствие противоречия между прошлым и настоящим, что приводит к внезапным социальным кризисам, доказательством чему служит великая русская революция 1917 г. (Миронов, 2019; Травин, 2022). Тенденции раннего модернизма начала XX в. не исчезли, ведь в парадигмах пост- и метамодернизма продолжается осмысление модернизации общества и ее последствий, поэтому наше время также называют поздним модернизмом (Гидденс, 2011).

В ситуации внезапной трансформации традиционных форм жизни ответственность за приспособление к изменяющимся реалиям всецело возлагается на отдельного индивида (ибо привычные социальные институты и группы и задаваемые ими предписания перестают работать). По этой причине мыслители модернизма склонны подчеркивать независимость человека и его способность к самодетерминации, в отличие, к примеру, от средневековых феодальных представлений о служении и подчинении высшим авторитетам: социальным, политическим или религиозным; теперь единицей реальности и мерой ценности является свободная в своих притязаниях личность, индивидуальный субъект познания и действия, а не коллектив, предписывающий четкие идентификационные позиции (Хикс, 2021).

Модернизм правомерно рассматривать как интеллектуальный стиль современности с высоким уровнем неопределенности и утратой онтологической полноты существования, так как человек задействован в сложных системах взаимодействия и исполняет множество ролей, что закономерно оборачивается перманентным кризисом идентичности (Куренной, 2013). Кризис идентичности усугубляется тем обстоятельством, что современный человек хочет получить полный контроль над своей жизнью и изобрести себя самостоятельно, но сталкивается на этом пути с непреодолимыми препятствиями, ибо «на каждом шагу мы вынуждены сражаться с экономикой и политикой, для которых мы лишь ничтожество. Мы живем в сознании того, что наша жизнь имеет уникальную ценность, но с нами обходятся так, словно нас не существует» (Зубофф, 2019, с. 44).

В интеллектуальном контексте модернизма во всех сферах повседневности укрепляется психология как научная дисциплина и социокультурная практика (в виде психотерапии и консультирования). Психологическое знание выступает посредником в разрешении основного конфликта модернизма и модернизации — между традицией и современностью, стабильностью и изменчивостью — на уровне отдельного индивида (отныне он — отправная точка анализа действительности) с помощью специально обученных и лицензированных экспертов по внутреннему миру и субъективности. Психотерапевты выступают в роли своеобразных агентов культуры, чья задача сводится к адаптации человека к социальным изменениям (Витакер, Малоун, 2019), а психология воспринимается как наука, способная облегчить его душевные страдания.

Индивидуализация общества: автономия индивидов или социальная атомизация?

Конституирующая характеристика модернизма, находящего выражение в искусстве авангарда, заключается в стремлении достичь беспредметности (Петровская, 2010). По Е. В. Петровской, беспредметность в искусстве (супрематизм) соответствует изменениям социального пространства, которые, в свою очередь, тесно связаны с триумфом технологий и массовых коммуникаций; формируется новый субъект восприятия — массовое общество, заполняющее улицы больших городов и мегаполисов. Новые технологии превращают осязаемые предметы окружающего мира в чистые беспредметные формы, существующие в бесконечном движении и перемещении информационных потоков. Искусство и культура направлены на художественное осмысление урбанизации, динамичной городской жизни и строительства, межклассовой поляризации и напряженности (Герман, 2021). В живописи и скульптуре, литературе и кинематографе вокруг бинарной оппозиции толпа — индивид конструируется «мифология души толпы» (Бобринская, 2018).

Базовое противоречие модернизации — стабильность и изменчивость — проецируется в новую систему координат отношений индивида и массового общества, принимающего обличье городской толпы (как на картине Э. Мунка 1892 г. «Вечер на улице Карла Юхана»). Массовое общество, складывающееся в результате модернизации, отчуждает индивида и противопоставляет его большому городу, бюрократизации, стандартизации и унификации культуры и т. д. (Полякова, 2002). Молодая наука психология подхватывает эти актуальные темы и создает концепции стихийных групп и специфики поведения человека в толпе (в работах Г. Лебона, Г. Тарда, Н. К. Михайловского, З. Фрейда и т. д.). В массовом обществе психология — с ее эпистемологическим фокусом на личности и индивидуальных аспектах познания и действия — получает привилегированный научный статус.

В интересующем нас плане анализа психологии как мировоззрения, отвечающего на запросы модернизма (который, напомним, с точки зрения Э. Гидденса (A. Giddens), затянулся вплоть до настоящего времени), особое значение приобретает идея Г. Зиммеля (G. Simmel) о том, что рост городской среды связан с индивидуализацией «душевных качеств» (Зиммель, 2002, с. 10). Человек душевно подавляется масштабами мегаполиса, которые увеличивают замкнутость, отдаленность и равнодушие людей. В классической социально-психологической теории эта фрустрирующая ситуация, отражающая специфику массового общества, обозначается как «одинокая толпа» (Riesman et al., 1950) или, точнее, как «одиночество в толпе». Сегодня стало возможным говорить о феномене «совместного одиночества» в социальных сетях: не по названию знаменитого романа Я. Л. Вишневского, а прежде всего благодаря исследованиям Ш. Тёркл (Sh. Turkle) (Turkle, 2011). Теперь место городской толпы занимает цифровая и виртуальная реальность.

Не успевающему за постоянными изменениями динамичной жизни индивиду как никогда важно продемонстрировать значимость и непохожесть на других, то есть позиционировать себя как независимого и уникального субъекта. Индивидуализация, следовательно, становится копингом с обезличенностью и анонимностью большого города и массового общества, в котором теряется и растворяется человек.

Психологические эффекты индивидуализации как копинга оцениваются полярно: с одной стороны, предостерегает Х. Арендт (H. Arendt), крайняя индивидуализация, выражающаяся в одиночестве и изоляции индивида, а также в нехватке нормальных отношений, связана с социальной атомизацией и выступает не просто характеристикой массового общества, но и предпосылкой тоталитарных движений (Арендт, 1996); с другой стороны, индивид получает невиданную дотоле историческую возможность не быть членом сообщества и выстраивать стиль жизни одиночки вне своих семьи, класса или религии (набирающий популярность глобальный феномен жизни «соло») (Кляйненберг, 2014; Травин, 2015).

Считается, что понятие индивидуализации (точнее, индивидуации) было введено в категориальный аппарат психологии К. Г. Юнгом (K. Jung), который определял ее как обособление и дифференциацию личности от группы, то есть индивидуальной психологии — от коллективной; индивидуация представляет собой процесс психического развития, ведущий к осознанию своей неделимой сущности и целостности, иными словами реализации архетипа самости (Стайн, 2010). В юнгианской трактовке пересекаются два значения: индивидуация как процесс интеграции личности на протяжении жизненного пути и индивидуализация как постепенное ослабление социокультурной детерминации познания и действия в истории; человек обретает большую свободу в принятии решений и выстраивании автобиографии вне жесткой привязанности к канонам общества и культуры. По Э. Фромму (E. Fromm), индивидуализация означает обособление человека от сил природы, которая на определенном историческом этапе высвечивает и заостряет базовый конфликт человека между потребностями в автономии и принадлежности (Фромм, 2008).

Индивидуализация, интерпретируемая как постепенное открытие индивидуальности в истории, традиционно возводится после классических работ Я. Буркхардта (J. Burckhardt) к Ренессансу, когда под влиянием философии неоплатонизма, гуманизма и искусства возникает новое чувство свободной личности (воплощаемой в образе художника-творца). Впоследствии эту классическую модель неоднократно критиковали: медиевисты находили документальные свидетельства рождения современного индивида в повседневной жизни уже XII столетия; предлагалось отказаться от поиска конкретного места и времени зарождения индивидуального самосознания в истории; следует сосредоточиться на изучении того, как в различных культурах и исторических эпохах формировались и менялись представления о субъективности человека, языки ее описания (Зарецкий, 2022).

Можно согласиться с суждением А. Я. Гуревича о том, что «вопрос о человеческой личности и индивидуальности на определенном этапе исторического процесса — это не вопрос о том, существовала ли она или нет. Вопрос заключается в другом: какие стороны человеческого Я приобретали в том или другом социально-культурном контексте особое значение» (Гуревич, 2015, с. 24). Имеет смысл рассматривать специфику индивидуализации как процесса формирования личности и образа человека именно в современных обществах (модернизма), которая по-разному концептуализируется в классических работах Н. Элиаса (N. Elias) «Общество индивидов» (Элиас, 2001), У. Бека (U. Beck) «Общество риска» (Бек, 2000) и З. Баумана (Z. Bauman) «Индивидуализированное общество» (Бауман, 2005). Отчасти к ним примыкает Э. Гидденс с интерпретацией современности как позднего,

«рефлексивного» модернизма: индивиды, освобожденные от жесткого влияния социальных традиций, постоянно рефлексиируют над своей жизнью и идентичностью (Гидденс, 2011; Гидденс, Саттон, 2018).

Всех перечисленных авторов, признанных авторитетных социологов, объединяет та или иная степень артикуляции противоречия между активно действующим индивидом и нормативной структурой общества: современность предоставляет небывалую в истории самостоятельность и свободу жизненного выбора каждому человеку, что ставит под вопрос его существование как сложной системы социальных взаимосвязей, а не суммы отдельных индивидов, усиленно занятых развитием и самореализацией. Внутренний (психологический) и внешний (социальный) планы существования расходятся в параллельные реальности, а между приватной и публичной сферами жизни выстраивается жесткая граница.

Феномен индивидуализации общества заключается в том, что источник жизненных проблем и сбоев локализуется не в структуре общества, а в индивиде, на плечи которого возлагается ответственность за их решение (успешное или неудачное) при нивелировании контекста; социальные кризисы интерпретируются как результат человеческого фактора и стечения обстоятельств, в котором виновен каждый в отдельности; общество устраняется и оставляет человека решать проблемы своими силами и ресурсами (Шубрт, 2017).

Индивидуальность остается единственной (и, увы, не очень надежной) точкой опоры в изменяющемся мире «текущей современности», который, иронически выражаясь, следует психологике фундаментальной ошибки атрибуции и приписывает причины происходящего не ситуации, а внутренним диспозициям и установкам человека. Фундаментальная ошибка атрибуции из когнитивного искажения превращается чуть ли не в когнитивный стиль западной культуры. Ф. Зимбардо и С. Милгрэм при анализе результатов своих экспериментов не уставали предупреждать публику о непредвиденных опасных последствиях игнорирования социальных ситуаций в пользу индивидуальных факторов (и сходятся в этом отношении с позицией Арендт об истоках тоталитаризма).

Психологические эффекты индивидуализации следует признать неоднозначными: с одной стороны, открываются многочисленные возможности для свободного и активного конструирования идентичности и жизненного стиля вне устоявшихся категорий и форм (что является ядром излишне позитивной интерпретации индивидуализации в современной психологии); с другой — возникает опасность самоизоляции личности и ее сосредоточения исключительно на своих внутренних состояниях, саморазвитии и самосовершенствовании при игнорировании социального окружения. Новые культурно-патологические феномены социальной ангедонии (то есть снижения способности испытывать интерес и удовольствие от общения) (Холмогорова, Рычкова, 2016) и хикикомори (минимизации контактов и изоляции в собственном доме) (Войскунский, Солдатова, 2019; Лякина и др., 2023) косвенно свидетельствуют в пользу негативных последствий индивидуализации.

Возможно, для более уточненного обозначения атомизации общества и опасности утраты консолидации — как эффекта предельной индивидуализации — лучше использовать альтернативное понятие сингуляризации. «Сингуляризация субъекта происходит, когда его уникальность социально воспринимается и ценится, когда к ней стремятся и развивают с помощью специальных техник» (Реквиц, 2022,

с. 48). В формирование структуры субъекта позднего модернизма весьма существенный вклад внесли представления гуманистической психологии о самореализации и раскрытии внутреннего потенциала личности. Требование аутентичности и уникальности выражается не только в том, как субъект воспринимает себя, но и в демонстрации этих качеств другим людям. Успешное саморазвитие, индивидуальная неповторимость и многогранность становятся элементами социального позиционирования, что ведет к тотальному «кризису общего», в который попадает общество, ориентированное на поиск особенного и исключительного («персональный подход к клиенту»).

Таким образом, логично предположить, что индивидуализация личности является успешной стратегией совладания с нестабильностью и неопределенностью модернизма до того момента, пока поглощенность своим внутренним миром и интересным образом жизни не становится формой эскапизма от реального социального контекста и не вызывает распад межличностных связей как основы солидарности и взаимопомощи. В последнем случае, по-видимому, уместнее говорить о сингуляризации, то есть о демонстративном дистанцировании и отделении себя как аутентичного субъекта от возможных социальных идентификаций, подразумевающих совместное действие и взаимопомощь в решении жизненных проблем. При сингуляризации индивид равнодушно удаляется от них в персональное пространство, занимаясь там вопросами выстраивания и отстаивания своего Я. Одной из важнейших форм индивидуализации и сингуляризации общества, способствующей усилению кризиса общего и интерсубъективного в социальных отношениях, является его психологизация.

Психологизация общества: замыкание индивидов на самопознании и саморазвитии

Повторим еще раз: психология в современном обществе — центральная научная дисциплина и практика самопознания, обещающая индивидам скорую помощь в решении проблемы копинга с ситуацией неопределенности и нестабильности, привнесенной в жизнь историческими процессами модернизации. Научное и обыденное психологическое знание являются важными элементами индивидуального и массового сознания, что приводит ко все большей психологизации повседневности и формированию так называемого психологического общества (Сироткина, Смит, 2008). Психологизация означает, что система психологических знаний и категорий становится главенствующим дискурсом, через который человек познает себя и окружающий мир (De Vos, 2013). В крайней форме психологизация общества проявляется в редукции любых социальных, политических и экономических вопросов к субъективным, индивидуально-личностным факторам, например к благополучию или саморазвитию (Madsen, 2018). Для объяснения своих поступков и поведения других людей индивиды начинают прибегать к семантическим категориям, отсылающим к реалиям внутреннего, субъективного мира при игнорировании мира социального: эмоциональным состояниям и конфликтам, личностным ресурсам и качествам и т. д.

Следует отметить, что в истории отечественной науки психологизация изначально рассматривалась как эвристичная стратегия углубленного анализа культур-

но-исторических проблем (Ярошевский, 1997) и общественных отношений (Андреева, 2010). Не запечатлена ли скрытая тенденция к психологизации социального в советской и российской психологии даже в словах памятной доски при входе на факультет психологии МГУ? Его основатель и первый декан А. Н. Леонтьев посвятил «жизнь развитию психологии как ведущей науки в современном обществе». Такое положение дел, впрочем, встречается за пределами СССР и России: после Второй мировой войны в Америке «идеи психологов получают все более широкое применение: руководители читают о последних научных чудесах, пытаясь найти ключи к социальному контролю, а широкая публика — пытаясь увидеть источники своего собственного поведения» (Лихи, 2003, с. 379).

Об опасности редуccionизма в объяснении общества вследствие неправомерной психологизации явлений, относящихся к другим областям научного знания, предупреждал в своих лекциях еще П. Я. Гальперин (Гальперин, 2002). Если в академической психологии ведутся постоянные дискуссии об определении предмета психологии и круга изучаемых ею явлений, то в повседневной жизни психологизация явно достигла своего пика. Психология и психотерапия (научная и популярная — в *psy*-комплексе, по Н. Роузу (N. Rose)) формируют умения и навыки самостоятельного выживания в мире, где человек вынужден опираться только на себя, а не на других людей, и служат «прививкой» индивидуализма (Оришева, 2014).

Важная роль в возникновении феномена психологизации общества принадлежала, по-видимому, психоанализу и реализуемой в нем диалогической и катарсической модели индивидуальной психотерапии, истоки которой, впрочем, можно проследить у Августина («Исповедь» — первая европейская автобиография) и Декарта (удостоверение собственного существования через мыслительный акт). Психоанализ стал настоящей теорией и практикой «личной жизни», то есть опыта достижения автономной и свободной идентичности, не привязанной к положению индивида в обществе, системе семейных связей и разделению труда (Зарецки, 2023). Почти все направления психотерапии и консультирования так или иначе отталкивались от классического психоанализа и принимали его базовое допущение о мотивации человека к достижению автономии как от внутренних (эмоциональных), так и от внешних (социальных) сил.

Влияние психоанализа на процесс психологизации общества исследовано в важной работе Ф. Риффа (Ph. Rieff) «Фрейд: Ум моралиста» (Rieff, 1961), которая, согласно недавней версии, была написана его супругой С. Зонтаг (S. Sontag) (Мозер, 2022). Психоанализ сконструировал новый образ человека психологического, заменившего предшествующие типы политического, религиозного и экономического человека Античности, Средневековья и Нового времени. Человек психологический глубоко сосредоточен на своем Я и переживаниях, сквозь призму которых воспринимает окружающий мир; он сам для себя становится религией и культом (Узланер, 2007). Рифф обратился к разработке теории современной культуры, уникальность которой усматривал в том, что «она умудряется породить ярко выраженные антирелигии, стремящиеся убедить нас в опустошающей иллюзии индивидуальности и свободы» (Рифф, 2007, с. 264).

Психологическое общество, центрированное на индивидуальном Я, метафорически называется также обществом эгоцентрическим и нарциссическим. Отчужденность человека от социального контекста заставляет его заниматься бес-

конечным саморазвитием: «Не имея надежды как-то улучшить свою жизнь, люди убеждают себя в том, что главным является личностное самосовершенствование» (Lasch, 1979, p. 29). Этот коллективный нарциссизм скорее уязвимый, а не грандиозный: за демонстрацией Я скрывается тревога, социальная изоляция и эмоциональная ранимость (Гаранян, 2016).

Г. Зиммель свыше столетия тому назад писал, что растерянность перед будущим, беспокойство и «повышенная нервность жизни» (Зиммель, 2002, с. 1) являются символами раннего модернизма, перешедшими в модернизм поздний. И. Бродский дает выразительное определение модернизма как «большого раздвоя», при котором необходимо сдерживаться и молчать (Волков, 2000). Нервность жизни и аффективная негативность — одна из знаковых психологических черт современности.

На рубеже столетий входит в моду стиль жизни невротического человека с лечением на курортах и водолечебницах, который создавал из опыта болезни и страдания культурное явление, порождающее новый способ восприятия жизни; в «неврастении» нашел отражение нарастающий стресс индустриального мира под влиянием усиливающейся конкуренции, смешанной с эротическими разочарованиями (Радкау, 2017). Этот контекст возникновения невротической и тревожной личности оставался значимым на протяжении XX столетия и поставлял материал для психологического теоретизирования о взаимодействии личности и общества в работах К. Хорни (К. Horney), Э. Фромма, Р. Мэя и других.

Гипотезы классиков подтвердились, а их пессимистические предсказания сбылись: на клинических данных доказывается значение не только напряженной конкуренции, но и постоянного сравнения с эталонами успешной самореализации в формировании широкого спектра расстройств аффективного спектра (Холмогорова, 2010). Психологизация успехов и неудач в личной и профессиональной жизни — без учета социальных факторов — размывает межличностные отношения (иными словами, никому нельзя доверять). Теперь каждый человек отвечает за себя, что является продолжением и усилением основной индивидуализирующей линии раннего и позднего модернизма.

Психологическое общество вообще отличается противоречивыми эмоциональными императивами, предъявляемыми к отдельным индивидам. Эмоциональные императивы — это системы нормативных представлений о выражении и переживании эмоций в различных контекстах взаимодействий, способствующих культивированию или, напротив, избеганию тех или иных чувств (Симонова, 2021). Культивирование стремления к самореализации и обретению и переживанию своей уникальности и неповторимости вступает в конфликт с требованием жесткого рационального контроля над эмоциональными состояниями, что оборачивается тревогой, разочарованием и неоправданным уровнем притязаний; возникает противоречие между аутентичностью и самоконтролем (Аронсон, 2022).

Таким образом, психологические знания и практики, проникающие в быденное и массовое сознание, формируют новый образ жизни и мышления, который дистанцирует человека от непредсказуемых социальных процессов и рискованных событий и замыкает его на нарциссических практиках заботы о собственном Я. Заниматься личностным ростом можно до бесконечности, оставаясь постоянно неудовлетворенным (слишком высоки глянцевые стандарты успеха, поднимаю-

щиеся до недостижимого уровня в медиа). Психологизация не помогает устранить тревогу от столкновения с неопределенностью вовне и внутри; тревога становится не индивидуальным, а коллективным переживанием, и общество не в состоянии справиться с ним (Паульсен, 2023).

Психологизация общества логически венчает процесс его индивидуализации и дает оксюморонный социально-психологический эффект.

Возникает ситуация коллективной изолированности, когда атмосфера безразличия к другим и замыкание на собственном Я порождает чувство незащищенности вследствие распространения базисного убеждения, что твоя судьба никого не волнует, кроме тебя самого, ибо общество представляет собой теперь случайное собрание отдельных единиц или монад, довольно агрессивно отстаивающих собственную уникальность и непохожесть друг на друга. Интересными символами такого положения вещей выступают практики и артефакты современной жизни: например, селфи в социальных сетях и памяти телефонов, городские самокаты, сбивающие на пути к пункту назначения всех мешающих прохожих, и даже худи как разновидность одежды, в которой человек словно прячется от мира и может не обращать внимания на фоновое окружение (Саден, 2023). Индивидуализация и психологизация общества вместе приводят к кризису социального как совместного опыта решения экзистенциальных проблем современности.

Выводы: психология в поисках ответов на экзистенциальные вызовы модернизма

Психология как научный проект эпохи раннего и позднего модернизма, которая продолжается под знаменами пост- или метамодернизма, претендовала на понимание и практическое разрешение конфликта незавершенной модернизации между стабильностью и изменчивостью традиционного и нового урбанистического образа жизни. Под влиянием процессов индивидуализации и психологизации, во многом ускоренных развитием теории и практики психологии в XX столетии, сформировалось экзистенциальное противоречие между стремлением отдельного человека к максимальной свободе Я и самореализации и необходимостью совместного решения жизненных проблем и выстраивания совместных условий выживания в мире глобальных рисков и кризисов.

Печальный парадокс заключается в том, что индивидуализация и психологизация, призванные защитить человека от неопределенности современного общества, в конечном счете увеличивают ее уровень, заставляя сосредоточиться на собственном внутреннем мире и дистанцироваться от непредсказуемого социального пространства. Индивидуализация и психологизация перестают справляться с функцией копинга с социальными изменениями и вводят человека в порочный круг: «Мы уходим в себя, чтобы справиться с нестабильностью мира, а мир от этого становится еще нестабильнее, ведь каждый из нас остается один на один со своей жизнью в одиноком самосозерцании» (Бринкман, 2018).

Поскольку в обыденном и массовом сознании психологический дискурс, то есть язык психологических категорий, понятий и терминов, является доминирующим, имеет смысл акцентировать и усиливать в образовании и медиа научные теории, ориентированные на принцип интересубъективного, совместного констру-

ирования образа изменяющегося мира, а не на зачарованного внутренним миром индивида, одиноко познающего окружающую его действительность (такой образ, в сущности, — методологическая иллюзия).

В истории психологии имеется солидный опыт разработки концепций, переносящих внимание с индивидуальной сферы самосознания на отношение, взаимодействие и диалог сознаний, в пространстве которого и существует психическое как таковое (Gergen, 2015). Здесь достаточно упомянуть теории жизненного пространства К. Левина (K. Lewin), символического интеракционизма Дж. Мида (G. Mead), социального конструкционизма того же К. Гергена (K. Gergen), культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и многие другие. Язык, концептуализирующий реальные отношения человека и мира, а не эгоцентрического индивида, интересующегося только собой, должен стать определяющим для общества. Когда психология обратится к анализу социальных изменений в категориях отношения, поддержки и солидарности, она вернется к своей изначальной миссии поддержки личности в сумерках затянувшейся эпохи модернизма.

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2010.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Аронсон П. (ред.). Сложные чувства: разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Individuum, 2022.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бобринская Е. А. Душа толпы: искусство и социальная мифология. М.: Кучково поле, 2018.
- Бринкман С. Конец эпохи self-help: как перестать себя совершенствовать. М.: Альпина Пабlishер, 2018.
- Бычков В. В. (ред.). Лексикон неклассики: художественно-эстетическая культура XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
- Витакер К., Малоун Т. Истоки психотерапии. СПб.: Питер, 2019.
- Войскупский А. Е., Солдатова Г. У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 22–43.
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000.
- Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М.: Университет; Высшая школа, 2002.
- Гаранян Н. Г. Апробация методики диагностики нарциссических черт личности на выборке студентов российских вузов // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 4. С. 8–32.
- Герман М. Ю. Модернизм: искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука, 2021.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практика, 2011.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия социологии. М.: ВШЭ, 2018.
- Гириц К. Постфактум: Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом западе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015.
- Гусельцева М. С. Метамоде́рнизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 327–340.
- Зарецки Э. Тайны души: социальная и культурная история психоанализа. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- Зарецкий Ю. П. Автобиографическое Я в Средние века и раннее Новое время. СПб.: Петроглиф; Центр гуманитарных инициатив, 2022.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–12.

- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2019.
- Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967.
- Кляйненберг Э.* Жизнь соло: новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Куренной В. А.* Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 70–78.
- Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Лякина Я. С., Федоров А. А., Тео А. Р.* Валидизация и опыт применения русскоязычной версии опросника хикикомори (HQ-25) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 2. С. 257–281.
- Мионов Б. Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
- Мозер Б.* Сьюзен Зонтаг: женщина, которая изменила культуру XX века. М.: Бомбора, 2022.
- Мэй Р.* Происхождение экзистенциальной психологии // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэй. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 9–41.
- Оршьева О.* «Психологический человек» в поисках смысла: между нарциссизмом и жертвенностью // Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / под ред. Т. В. Щитцовой. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 118–143.
- Паульсен Р.* А вдруг?.. Тревога: как она управляет нами, а мы — ею. М.: Livebook, 2023.
- Петровская Е. В.* Модернизм // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 297.
- Полякова Н. Л.* XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2002.
- Радкау Й.* Эпоха нервозности: Германия от Бисмарка до Гитлера. М.: ВШЭ, 2017.
- Реквиц А.* Общество сингулярностей: о структурных изменениях эпохи модерна. М.; Берлин: Директ-медиа Паблишинг, 2022.
- Рифф Ф.* Триумф терапевтического: как используют веру после Фрейда. Набросок теории культуры // Логос. 2007. № 5 (62). С. 256–280.
- Саден Э.* Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023.
- Симонова О. А.* Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 2. С. 25–45.
- Сироткина И. Е., Смит Р.* «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.
- Стайн М.* Юнговская карта души: введение в аналитическую психологию. М.: Когито-Центр, 2010.
- Травин Д. Я.* Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2015.
- Травин Д. Я.* Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
- Узланер Д.* От Фрейда к «сакральной социологии»: учение Филиппа Риффа // Логос. 2007. № 5 (62). С. 236–255.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Академический проект, 2008.
- Хикс С.* Объясняя постмодернизм. М.: Рипол-классик, 2021.
- Холмогорова А. Б.* Общая психопатология. М.: Академия, 2010.
- Холмогорова А. Б., Рычкова О. В.* Адаптация шкалы ориентации «Социальная ангедония» на российской выборке. М.: Неолит, 2016.
- Шубрт И.* Исторические процессы, социальные изменения, модернизация с точки зрения социологии. М.: РУДН, 2017.
- Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Ярошевский М. Г.* История психологии: от античности до середины XX века. М.: Академия, 1997.
- De Vos J.* Psychologization and the subject of late Modernity. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Gergen K. J.* An invitation to social construction. London: Sage, 2015.
- Lasch C.* Culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. New York: Warner Books, 1979.
- Madsen O. J.* The psychologization of society: On the unfolding of the therapeutic in Norway. London; New York: Routledge, 2018.
- Rieff Ph.* Freud: the mind of the moralist. New York: Doubleday, 1961.

Riesman D., Denney R., Glazer N. The lonely crowd: A study of the changing American character. New Haven: Yale University Press, 1950.

Turkle S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2023 г.;
рекомендована в печать 24 августа 2023 г.

Контактная информация:

Хорошилов Дмитрий Александрович — д-р психол. наук; d.khoroshilov@gmail.com

Individualization and psychologization of modern society as factors of weakening social ties*

D. A. Khoroshilov

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Khoroshilov D. A. Individualization and psychologization of modern society as factors of weakening social ties. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023, vol. 13, issue 4, pp. 447–461. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.401> (In Russian)

The article proves the thesis according to which psychology, as a scientific discipline and social practice (in the form of psychotherapy and counseling), penetrating into all spheres of everyday life in modern society, is a response to the worldview contradictions of the era of modernism. The paradigms of post- and metamodernism that characterize our time can rightfully be considered a continuation of the main line of early modernism of the early twentieth century, associated with the understanding of modernization (the historical process of transition from a traditional and sustainable way of life to social uncertainty and instability). Therefore, modernity is also called the era of late modernism. In modern society and culture, the responsibility for solving the problem of the stability and variability of life is attributed not to collectives or groups, as in previous historical periods, but to individuals. Now, not philosophy or anthropology, but psychology as the scientific project of modernism seeks to answer the famous Kantian question about what a person is. The mass dissemination of psychological knowledge and practice leads to the psychologization of society, that is, to the explanation of the surrounding world and life problems only with the help of psychological categories; a person fixes on the inner experience and personal self-development, thereby distancing himself from unpredictable social events and changes. The psychologization of society enhances its individualization. Individualization is seen as a dual phenomenon: on the one hand, it implies the most free and active construction of identity and lifestyle, and on the other hand, it carries the danger of social atomization and the collapse of solidarity, which can be a prerequisite for the formation of totalitarian mass movements. The paradox: individualization and psychologization, designed to reduce social uncertainty, increase it, locking a person into his own Self. To prevent the negative effects listed above, it is recommended to strengthen psychological concepts in scientific and public discourses that emphasize the importance of intersubjective, joint construction of the image of a changing world.

Keywords: modernity, modernism, social uncertainty, psychologization, psychological society, individualization, singularization.

---

* The research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation, project no. 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

References

- Andreeva, G. M. (2010). *Social Psychology*. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
- Arendt, H. (1996). *The Origins of Totalitarianism*. Moscow, TsentrKom Publ. (In Russian)
- Aronson, P. (ed.). (2022). *Complicated Feelings: a new reality phrasebook: from abuse to toxicity*. Moscow, Individual Publ. (In Russian)
- Bauman, Z. (2005). *The Individualized Society*. Moscow, Logos Publ. (In Russian)
- Beck, U. (2000). *Risk Society: towards a new modernity*. Moscow, Progress-Tradition Publ. (In Russian)
- Bobrninskaya, E. A. (2018). *The Soul of the Crowd: Art and social mythology*. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russian)
- Brinkmann, S. (2018). *Stand Firm: resisting the self-improvement craze*. Moscow, Alpina Publisher Publ. (In Russian)
- Bychkov, V. V. (ed.). (2003). *Lexicon of Nonclassics: Artistic and aesthetic culture of the 20th century*. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russian)
- De Vos, J. (2013). *Psychologization and the Subject of Late Modernity*. New York, Palgrave Macmillan.
- Elias, N. (2001). *The Society of Individuals*. Moscow, Praksis Publ. (In Russian)
- Fromm, E. (2008). *Escape from Freedom*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Galperin, P. Ya. (2002). *Lectures on Psychology*. Moscow, Universitet Publ., Vysshaya Shkola Publ. (In Russian)
- Garanyan, N. G. (2016). Approval of the methodology for diagnosing narcissistic personality traits in a sample of students of Russian universities. *Konsul'tativnaia Psikhologiya i Psikhoterapiia*, 24 (4), 8–32. (In Russian)
- Geertz, C. (2020). *After the Fact: Two countries, four decades, one anthropologist*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Gergen, K. J. (2015). *An Invitation to Social Construction*. London, Sage.
- German, M. Yu. (2021). *Modernism: Art of the first half of the twentieth century*. St. Petersburg, Azbuka Publ. (In Russian)
- Giddens, A. (2011). *The Consequences of Modernity*. Moscow, Praksis Publ. (In Russian)
- Giddens, A., Sutton, P. (2018). *Essential Concepts in Sociology*. Moscow, HSE Press. (In Russian)
- Gurevich, A. Ya. (2015). *Individual and Society in the Medieval West*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., Universitetskaya Kniga Publ. (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2018). Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes in subjectivity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8 (4), 327–340. (In Russian)
- Hicks, S. (2021). *Explaining Postmodernism*. Moscow, Ripol-klassik Publ. (In Russian)
- Kandinsky, V. V. (1967). *On the Spiritual in Art*. New York, International Literary Fellowship. (In Russian)
- Kholmogorova, A. B. (2010). *General Psychopathology*. Moscow, Academia Publ. (In Russian)
- Kholmogorova, A. B., Rychkova, O. V. (2016). *Adaptation of the Scale of Orientation “Social Anhedonia” on the Russian Sample*. Moscow, Neolit Publ. (In Russian)
- Kleinenberg, E. (2014). *Solo Life: New social reality*. Moscow: Alpina non-fikshn Publ. (In Russian)
- Kurennoy, V. A. (2013). The irrational side of the rational. *Otechestvennyye Zapiski*, 1 (52), 70–78. (In Russian)
- Lasch, C. (1979). *Culture of Narcissism: American life in an age of diminishing expectations*. New York, Warner Books.
- Leahey, T. (2003). *A History of Modern Psychology*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Lyakina, Ya. S., Fedorov, A. A., Teo, A. R. (2023). Validation and experience of using the Russian version of the hikikomori questionnaire (HQ-25). *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 20 (2), 257–281. (In Russian)
- Madsen, O. J. (2018). *The Psychologization of Society: On the unfolding of the therapeutic in Norway*. London, New York, Routledge.
- May, R. (2001). The origins of existential psychology. In: R. May (ed.). *Ekzistentsial'naya Psikhologiya* (pp. 9–41). Moscow, Aprel' Press, EKSMO-Press. (In Russian)
- Mironov, B. N. (2019). *Russian modernization and revolution*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. (In Russian)
- Moser, B. (2022). *Sontag: Her live and work*. Moscow, Bombora Publ. (In Russian)
- Orisheva, O. (2014). “Psychological man” in search of meaning: Between narcissism and sacrifice. In: T. V. Shchitsova (ed.). *Ty Khochesh' Pogovorit' ob Etom? Novaia psikhologicheskaya kul'tura v postsovet-skoj Belarusi i Ukraine* (pp. 118–143). Vilnius, EGU Publ. (In Russian)

- Paulsen, R. (2023). *What If: The new age of anxiety*. Moscow, Livebook. (In Russian)
- Petrovskaya, E. V. (2010). Modernism. In: *Novaia Filosofskaya Entsiklopediia* (vol. 3, p. 297). Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Polyakova, N. L. (2002). *XX Century in Sociological Theories of Society*. Moscow, Logos Publ. (In Russian)
- Radkau, J. (2017). *The Age of Nervousness: Germany from Bismarck to Hitler*. Moscow, HSE Press. (In Russian)
- Reckwitz, A. (2022). *The Society of Singularities*. Moscow, Berlin, Directmedia Publ. (In Russian)
- Rieff, Ph. (1961). *Freud: The mind of the moralist*. New York, Doubleday.
- Rieff, Ph. (2007). The triumph of the therapeutic: How faith is used after Freud. *Logos*, 5 (62), 256–280. (In Russian)
- Riesman, D., Denney, R., Glazer, N. (1950). *The Lonely Crowd: A study of the changing American character*. New Haven, Yale University Press.
- Sadin, E. (2023). *The Era of the Tyrant Individual: The end of the common world*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakh Publ. (In Russian)
- Simmel, G. (2002). The metropolis and mental life. *Logos*, 3 (34), 1–12. (In Russian)
- Simonova, O. A. (2021). Emotional imperatives of late modern society and their social consequences. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 27 (2), 25–45. (In Russian)
- Sirotkina, I. E., Smith, R. (2008). “Psychological society” and socio-political changes in Russia. *Metodologiya i Istoriiia Psikhologii*, 3 (3), 73–90. (In Russian)
- Stein, M. (2010). *Jung's Map of the Soul: An introduction*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ. (In Russian)
- Subrt, I. (2017). *Historical Processes, Social Changes, Modernization from the Point of View of Sociology*. Moscow, RUDN University Publ. (In Russian)
- Travin, D. Ya. (2015). *Steep Hills of the XXI Century: Post-modernization and problems of Russia*. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Press. (In Russian)
- Travin, D. Ya. (2022). *How the State Gets Rich: A guide to historical sociology*. Moscow, Gaidar Institute Press. (In Russian)
- Turkle, S. (2011). *Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York, Basic Books.
- Uzlaner, D. (2007). From Freud to “Sacred Sociology”: Phillip Rieff's Teaching. *Logos*, 5 (62), 236–255. (In Russian)
- Voiskunsky, A. E., Soldatova, G. U. (2019). An epidemic of loneliness in a digital society: Hikikomori as a cultural and psychological phenomenon. *Konsul'tativnaia Psikhologiya i Psikhoterapiia*, 27 (3), 22–43. (In Russian)
- Volkov, S. (2000). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ. (In Russian)
- Whitaker, K., Malone, T. (2019). *The Roots of Psychotherapy*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Yaroshevsky, M. G. (1997). *History of Psychology: from antiquity to the middle of the twentieth century*. Moscow, Academia Publ. (In Russian)
- Zaretsky, E. (2023). *Secrets of the Soul: a social and cultural history of psychoanalysis*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Zaretsky, Yu. P. (2022). *Autobiographical Self in the Middle Ages and Early Modernity*. St. Petersburg, Petroglif Publ., Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ. (In Russian)
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. Moscow, Institut ekonomicheskoi politiki im. E. T. Gaidara Publ. (In Russian)

Received: July 14, 2023

Accepted: August 24, 2023

Author's information:

Dmitry A. Khoroshilov — Dr. Sci. in Psychology; d.khoroshilov@gmail.com